

РУБРИКА: ОТКРЫТЫЙ ДИАЛОГ

Галина Бардиер

Научитесь душевной чуткости

О чем говорят детские запросы к родителям и учителям

Любой взрослый, который опекает, растит, воспитывает, учит ребенка, в числе своих обязанностей назовет оказание максимально возможной помощи в трудных ситуациях. Но иногда педагоги и родители, сосредоточившись на сугубо утилитарных вещах – учебе, материальном обеспечении, заботе о физическом здоровье и будущей карьере, – упускают из виду, что ребенок нуждается еще и в утешении, ласке, понимании.

Ожидания и реальность

Взрослые склонны пренебрегать переживаниями ребенка по поводу невзгод, случающихся в детской жизни: тоже мне трагедия! А ведь в ней немало слез и обид, страхов и одиночества, унижений и разочарований. Одним словом, ребенок довольно часто нуждается в помощи. Той, которую оказывает одна душа, взрослая, другой – детской.

Об этом на уроках психологии говорят сами дети, ученики начальной и средней школы. *Они хотят, чтобы окружающие их взрослые были «немножко психологами», а значит, нам, учителям и родителям, нужно научиться:*

- *быть добрее к детям;*
- *объяснять то, что непонятно, но по просьбе ребенка;*
- *помогать исправлять ошибки в учебе и в жизни (например, если ребенок обидел кого-то);*
- *предупреждать об опасности;*
- *жалеть ребенка.*

Пожелания детей очевидны. Но насколько они совпадают с представлениями семьи о психологической помощи? Для этого можно проанализировать запросы, с которыми родители приходят на консультацию к психологу. Многих заботит степень влияния на ребенка. Они сомневаются в правильности собственной системы поощрения и наказания, советуются о том, что можно позволять, а что категорически запрещать.

Другая категория родителей хочет понять причины того или иного поведения своего ребенка, как можно более точно изучить его особенности. Такие мамы и папы просят психолога провести диагностику детских способностей, свойств личности, характера, психофизиологического и эмоционального состояния.

Третья большая группа запросов касается прогнозирования дальнейшего пути развития: в какой кружок, секцию, спецшколу, вуз лучше всего отдать сына или дочь, на какие ценности ориентировать, каких результатов ожидать. Причем такие родители зачастую уже сделали выбор за ребенка, а к психологу идут лишь за подтверждением того, что и так уже решили и обосновали.

Иногда родителей тревожит поведение ребенка, который «грубит, ленится, все делает назло, неряшлив, обидчив...», в то время как они «заботятся о его благе, все перепробовали для нормализации отношений, живут только для него...». Бывает, родители стесняются своего ребенка, пренебрегают им, переносят на него свои негативные черты, хотят, чтобы он рос в соответствии с какими-то их идеалами.

Школьные педагоги тоже не очень соответствуют детским ожиданиям: «понятно объяснять трудный материал, давать возможность исправлять плохие отметки, указывать на ошибки в выполненной работе». Иногда дети рассчитывают, что учитель не будет к ним слишком строг, поймет их трудности, учтет старание. Но вместе с тем им хочется, чтобы педагог обращал внимание и на душевное состояние своих учеников, помогал установить комфортные отношения внутри класса.

Однако в разговорах современных учителей с психологом чаще всего звучат вопросы о дисциплине и учебной успешности ребят. Этому можно найти немало причин: жесткая программа, наполняемость классов, недостаточная психологическая подготовка. К тому же школьное

взаимодействие строится на сугубо учебной практике. Здесь мало свободного трудового и досугового пространства. Ведь даже совместные экскурсии и походы в театр или музей требуют от учителя большей частью организации, контроля, руководства. Психологическая же помощь подразумевает терпение, понимание, сочувствие и совместно переживаемые эмоции.

Безусловно, есть педагоги, оказывающие психологическую помощь детям, но это – если ребенку повезет с учителем. Она пока не прижилась в школе как естественная и неотъемлемая часть школьного уклада.

Тем не менее огромное большинство родителей и педагогов хотели бы оказывать психологическую помощь детям, только они не всегда знают, как правильно это сделать. Иногда совершают ошибки и промахи. И в результате оказывают вместо помощи что-то вроде медвежьей услуги.

Не по адресу

Причиной ошибочных действий может быть непонимание сути затруднения, которое ребенок испытывает. Например, не надо рассказывать ребенку о необходимости делать уроки, если он искренне пытался выполнить домашнее задание, но у него ничего не получилось. Причина здесь в том, что он не понял учебный материал. И настоящая помощь будет заключаться в дополнительном объяснении. Причем до тех пор, пока ребенок не разберется, в чем тут дело.

Еще один распространенный пример: и родители, и учитель раз за разом пишут на листке или на доске основные понятия нового материала, рисуют схемы, заставляют ребенка перечитывать учебник, консультируются с психологом по поводу концентрации внимания. Но ученик по-прежнему отвлекается и никак не может понять объяснения. Взрослые приложили массу усилий, но все впустую. А причина может быть проста: ведущий канал восприятия у ребенка – кинестетический. И вместо абстрактных схем ему нужно «потрогать руками» действующую модель.

В обоих случаях взрослые искренне желали добра ребенку и старались ему помочь. Но воздействовали не на те психические проявления, которые требовали поддержки. Иными словами, родители и учителя помогали не реальному ученику, а выдуманному, тому, которого они себе вообразили. В лучшем случае это воздействие будет безрезультатным. Но может и привести к плачевным последствиям: ребенок теряет веру во взрослых, замыкается, может совсем махнуть рукой на учебу.

Не к месту и не ко времени

Подчас совершенно одинаковые действия взрослых вызывают прямо противоположные реакции ребенка, что приводит их в искреннее недоумение. А все дело в контексте ситуации: то, что уместно в одном случае, становится нежелательным в другом.

Учитель заводит доверительный и давно назревший разговор с ребенком, который испытывает трудности в общении с одноклассниками. Но время выбрано неудачно: он как раз договорился с новым приятелем о встрече. Часом раньше или на следующий день ребенок пошел бы на разговор охотно, но именно сейчас торопится побыстрее закончить его.

Маме вздумалось приласкать сына в тот момент, когда он увлечен интересной игрой или фильмом. И вызывает этим только досаду и недовольство. Настроение испорчено у обоих. А ведь всего-то и нужно было – подумать, насколько это уместно именно сейчас.

Иногда взрослые делают замечания, указывают на ошибки, не учитывая, как они будут восприняты именно в этой ситуации. Например, если вокруг много посторонних. Или когда ребенок и так досадует на свой промах, а тут его еще начинают упрекать за допущенные ошибки. Ведь все то же самое можно сообщить, дождавшись, когда вы останетесь наедине или когда схлынет разочарование. Тогда разумные и справедливые замечания будут восприняты спокойно и с благодарностью.

Николай Крышук
Давайте разговаривать с детьми!
Почему сегодня многие ребята вырастают с душой маугли? Статья первая

Трудно нынче оставаться серьезным человеком, того и гляди угодишь в фарс или в аттракцион. А на твоего пародиста найдется другой, еще более злой и поворотливый. Каждый при этом оставляет за собой презумпцию здравого смысла, и получается черт знает что. Это я в очередной раз почувствовал, когда Первый канал ТВ выстрелил сериалом «Школа» Валерии Гай Германики.

Зрелище, может быть, и не надрывное, но очень нервное. Вспомнились «толкающиеся подростки» Достоевского. На одном детском празднике (он подсчитал) подростки толкнули его не меньше пятидесяти раз, «не извиняясь и проходя мимо с полным правом». Он тогда же поделился своим наблюдением, что «развязна с некоторою дерзостью» обычно «будущая середина и бездарность». «Более даровитые и обособленные из детей всегда сдержаннее», у срединных же «выходит ни то ни сё, ни доброе ни злое, даже и в разврате не развратное». А только ждешь, что посреди праздника устроят они какой-нибудь скандал, «вдруг что-нибудь гаркнут на чистейшем национальном наречии», да не так просто, а из принципиального, так сказать, протеста.

Исторические прецеденты, как правило, успокаивают, но меня эта аналогия ничуть не успокоила. Это ведь наши дети, «срединные» они или какие, но наши. Пусть диковатые, пусть темные, прежде всего они несчастны. И хуже всего, что испытываешь, глядя на них, не столько боль, сколько раздражение. А они это чувствуют, поэтому, может быть, и послали нас всех далеко «на чистейшем национальном наречии».

Не расслышать свою вину и отмахнуться от этого разговором о возрастном гормональном взрыве может только человек исключительно отвлеченный. Мы плохо воспитаны, да, но воспитаны все же в чувстве ответственности.

Фарс начался уже после первого дня просмотра. Закипели блогеры и депутаты, школьники, учителя, родители, работники департаментов и уполномоченные по правам. Я с неприятным чувством обнаружил себя по крайней мере в двух группах: среди тех, кто радуется, что правда хлынула сквозь глянец и сказочный ментовский криминал, и тех, кто впал в депрессию, обнаружив, что вертикаль построена на шатающемся нравственном фундаменте. Все мы до какой-то степени дети «ящика». И вот пьяный папа оборвал колыбельную и решил поговорить с нами откровенно.

Ну конечно, у многих, не желающих нарушать хорошо оплачиваемый комфорт, потянулась рука к удушению: запретить и пр. Над ними посмеивались те, у кого годы советской власти развили возрастную дальнорочность. Грядут реформы, утверждали они. Правда, по поводу характера реформ мнения разделились: одни считали, что в школу запустят попов, другие, что ремонтные работы поручат военным, третьи, что дело идет к возрождению комсомола. Министр соответствующего образования, взяв неделю на раздумье, сообщил, что цифры по школьной наркомании, а также беспризорничеству ему известны и меры будут приняты.

Тут я и понял, что окончательно попал в круг пародии. И что дураят меня не только министр и страдающие общественной одышкой депутаты, но и руководители канала, и, может быть, сам режиссер, взявшая псевдонимом подлинную фамилию римского императора Калигулы. Шок ТВ-публики был запрограммирован, как аттракцион, все принялись перенимать друг у друга гримасы отчаяния и истекать клюквенным соком.

Прекратилась эта гражданская деморализация в одно мгновение, как и положено в театре. Пошла Олимпиада в Ванкувере, и народ, страдая от авитаминоза, прильнул к экранам в надежде поправить здоровье патриотической травкой. Но случился, как мы знаем, неурожай медалей, массовое сознание было оскорблено – ищем виноватых, то есть, слава богу, снова есть чем заняться. Герои же «Школы» стучатся теперь в дома только ближе к полуночи, когда общественная совесть берет перерыв на сон, и чувствуют себя во второй раз осиротевшими. Хотя сделано это, можно не сомневаться, для их же блага: чтобы не повредить хрупкую психику просмотром собственной неотретушированной жизни.

Представления (по-старомодному говоря, идеология) у нас всегда ценились выше прочего. В советские времена усердное следование им было известно под кличкой «нравственность».

* * *

Не то что мы все бессовестные, нет у меня права так говорить. И не хочу я обсуждать достоинства и недостатки сериала (достоинств все же, на мой взгляд, больше). Но враз угомонившаяся волна больше напоминает движение маленького пруда, нежели моря, хотя на карте мы по-прежнему смотримся значительным объектом. Этот эффект требует объяснения.

Не скрою, при первых сериях «Школы» у меня шевельнулось подозрение, что из этой стилизованной документальности изъято то, что называется художественной правдой. Мол, комплекс переживаний, числившийся до этого по ведомству «душа», де-юре и де-факто больше не существует. Вот документик. Распишитесь.

В этом, возможно, и состоит эффект так называемой «чернухи»: не в концентрации негатива, а в бесстрастном утверждении, что человеческие связи и навыки больше не работают и человек в результате исторической регрессии превратился в антропоида.

Надо сказать, что большая часть просвещенной аудитории и сошлась на том мнении, что Первый канал в прайм-тайм решил по неизвестной причине терроризировать население. Странно еще, что не была пущена в ход версия о жидомасонском заговоре. Зря мы жалуемся все же на отсутствие прогресса.

Однако «чернухой» в этом сериале не пахнет, теперь ясно. А вот реакция вспльчивого, но отходчивого общества многое объясняет в положении наших дел.

Кто-то на одном из многочисленных обсуждений образно назвал мир киношных подростков островом отверженных (прокаженных, проклятых – не помню). Камень как будто был брошен в сторону киношных же родителей и учителей (на что реальные родители и учителя не замедлили обидеться). Между тем они, смею думать, в большинстве своем нормальные, обыкновенно чувствующие люди, во всяком случае, не злонамеренные. Они такие же, как мы, или мы такие же, как они. Момент неузнавания произошел потому, что нам впервые не льстили. Отсутствовала идеализация и в показе детей – для родительского чувства испытание еще более тяжелое.

А сравнение с островом отверженных – между тем верное, хотя и остро неприятное. Как же это получилось и как это совместить с тем, что мы, кажется, только о детях и заботимся, жизнь готовы отдать, сколько нервов на них потрачено? При такой-то круглосуточной опеке они просто не имеют права быть несчастными.

В том-то, однако, и дело, что, воспитывая в послушании и заботе о будущей карьере, родители тратят только нервы и цивилизованный, ухоженный наш интернет-потребитель вырастает с душой маугли. Мы не то что скупы на общение, не то что не можем снизить до него... Дело, похоже, в другом.

Взрослым населением не вдруг овладели робость и неуверенность в себе. Оно не убеждено в значительности собственной жизни. Над дискредитацией преданий славно потрудились в течение двух десятилетий, да и кому они, даже очищенные от скверны, нужны? У детей нет ничего святого, но и мы находимся по отношению к нему в интеллектуальной или житейской неуверенности. Собственными правилами не обзавелись, а некогда общепринятые не работают. Требовательная детская стихия страшит нас больше, чем ласковые предупреждения налоговой инспекции: тут не то что жалко платить, а буквально нечем. Во всяком случае, серьезный разговор с подростком вызывает гнетущее чувство дискомфорта, а мы и так раздерганы сверх меры.

Чувства эти более чем понятны. Мне же по аналогии вспомнилась вот какая история.

В 1873 году на встрече со священниками по случаю освящения новой церкви, узнав о существовании на Гавайях острова, специально выделенного для изоляции прокаженных, патер Дамиан, миссионер из Фландрии, решается поехать туда. Первоначально предполагалось, что миссионеры на острове прокаженных будут сменяться. О послании священника на остров Молокаи узнали журналисты, и чтобы не создать впечатления, что Церковь и ее миссионеры отказываются от выполнения этой невыполнимой миссии, священноначалие решает оставить Дамиана среди прокаженных навсегда.

Журналисты, разумеется, тут же провозгласили его «христианским героем», хотя поначалу он был всего лишь заложником собственного безрассудства.

В благочестивой ревности Дамиан легко смирился с необходимостью спать на голой земле под деревом, но страхи и отвращение не позволяли ему исполнить главное – посещать прокаженных. Преодолевая себя, он пробует преподавать причастие при помощи специальной удлиненной ложки. Словечко это по-русски хорошо передает фальшивость ситуации. «Лжица» – всего лишь ложечка для раздачи Святого Причастия, но по умной прихоти языка еще и «лжец» женского рода. Пройдут годы, прежде чем Дамиан начнет создавать среди отчаявшихся людей человеческое общество и настолько отождествит себя с ними, что при обращении в мир о помощи с невольным постоянством будет говорить: «мы, прокаженные».

Фигура фламандского миссионера, поверженного страхами, с удлиненной ложечкой для причастия и есть в моем изложении метафора нашего отношения к детям. Благочестивая ревность есть, но страх, но брезгливость.

Свой страх и равнодушие мы таим под воспитательским формализмом. Примерный ребенок нас устраивает больше, чем чувствующий и своенравный. С примерным, вежливым, ординарным проще и комфортнее. Ребенок сопротивляется, в ответ мы наращиваем требовательность, тратим себя. Симон Соловейчик по этому поводу писал: «Воспитание вежливости так похоже на воспитание! Обучая вежливости, мы обычно тратим не душу, а нервы. Если бы Гек Финн задержался у вдовы Дуглас чуть подольше, она наверняка сделала бы и из него вежливого мальчика!»

У него же находим такой простой и такой, как выясняется, трудный для исполнения совет: «С детьми надо разговаривать... Не дети сдают нам экзамен по вечерам, а мы – им; дети экзамен принимают и ставят отметку; о ней можно судить по тому, насколько охотно разговаривает с нами ребенок на следующий день».

Николай Крыщук **Давайте разговаривать с детьми!**

* * *

В последнее время мне не раз случалось общаться со школьниками и студентами. «Толкающихся подростков» среди них было не много. Поразило, однако, не это, а догадка, которая скоро превратилась в уверенность: с ними не разговаривают. Встреча с незнакомым человеком обнаружила в них неутоленную жажду общения. Они радовались разговору, как радуются воле заключенные. Но и это еще не главное: среди вопросов, которыми меня засыпали, было много так называемых первых вопросов, которые если и обнаруживали глубину невежества, то объяснить его можно только немотой их взрослого окружения.

Многие вопросы были неожиданными, но лишь в том смысле, что при обычае нормального, регулярного общения о таком в их возрасте уже не спрашивают. Речь не о так называемых «стыдных» проблемах вроде половых различий. Но, например: не является ли честность всего лишь родом глупости? Известно, что все главные государственные дела решаются в саунах, во время обедов «без галстука» и на прогулках. Нужно ли при этом содержать огромный аппарат чиновников в кабинетах, которые только имитируют деятельность и выколачивают взятки? На фоне все возрастающего прогресса есть ли необходимость изучать явно устаревших Чехова и Толстого?

Даже самые, на наш взгляд, дикие вопросы рождаются чувством интеллектуального голода, тоски по смыслу. Отвечать с пафосом давно уже не позволяет вкус. А отвечать по существу – не получается? Остается «принимать меры», «тратить нервы», «лучше смотреть». Надсмотрщики должны трудиться круглосуточно, зато душа отдыхает.

А вот еще один дикий вопрос, заданный недавно моей жене, учительнице, на перемене от большого, надо думать, расположения: «Вам нравится Гитлер?»

Об истории этого вопроса и ответе на него я расскажу в следующей статье.

ВРЕМЯ НА ВЕСАХ НАШИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Николай Крышук

Давайте разговаривать с детьми!

Почему сегодня многие ребята вырастают с душой маугли? Статья вторая

Валерии Гай Германике в интервью задали вопрос: «Когда началась Великая Отечественная война?»

Она задумалась и неуверенно ответила: «В тридцать девятом?» Вопрошающий, конечно, обрадовался и, конечно, устыдил молодого режиссера. Ради этого момента и был, несомненно, затеян аттракцион.

Пафос нынче – легкая добыча, без него не обходится даже реклама геморроидальных свечей. А что дешево дается, то, известно, ничего и не стоит. Главное же – у человека, находящегося во власти пафоса, слабеет острота восприятия. То есть он воспринимает остро, но лишь себя, а все окружающее как бы в тумане и только в качестве материала. Так растапливающий печь отбирает поленья, и в его глазах береза отличается от ели исключительно тем, что горит лучше и дает больше жара. В некотором смысле реалист именно он, а не, допустим, Шишкин. Как посмотреть.

Мое чувство реальности в данном конкретном случае подсказывает, что для молодых и совсем юных Великая Отечественная война является событием далекой истории, а не частью семейного предания. Глупо их в этом винить, факт же такого невежества скорее отраден. Мало кто вспомнит сегодня дату начала Отечественной войны 1812 года, но стоит ли обвинять граждан в отсутствии патриотизма? Даже начало Первой мировой войны в обыденном историческом сознании почти стерлось. Год еще вспомнят, месяц – немногие, число – почти никто. Между тем от той войны человека среднего возраста отделяют те же пятьдесят лет, что нынешнего школьника от Великой Отечественной.

Поэтому и на вопрос ученика учительнице, любит ли она Гитлера, глупо отвечать негодованием. Если содержалось что осознанное в этом вопросе, то как раз элемент провокации. Поддаться на нее значило проявить непозволительное для педагога простодушие.

Давайте прикинем: курс истории для шестиклассника заканчивается XV веком, а родители его появились на свет в середине 70-х годов века прошлого и если делились семейными воспоминаниями, то скорее о войне в Афганистане или Чечне. О том, что Гитлер хорош, а советские солдаты вели себя не лучше, чем фашисты, он услышал скорее всего от кого-нибудь из старших друзей. Тот, надо думать, тоже знал о войне не много. Остается фигура взрослого и политически грамотного негодяя, но ее мы оставим в стороне, не потому, что она не важна, а потому, что не имеет отношения к теме нашего разговора.

Между тем о разговоре и речь, то есть о том, что после такого вопроса разговор с учениками был неизбежен. Я при нем не присутствовал, но, поскольку учительница эта – моя жена, а рассказывала она о своем отце, история мне известна, и я вам ее сейчас изложу своими словами.